

О РЕЛИГИОЗНОМ И ДУХОВНО-НРАВСТВЕННОМ СОСТОЯНИИ НАСЕЛЕНИЯ ВОРОНЕЖСКОЙ ГУБЕРНИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

С. А. Иконников

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 28 ноября 2013 г.

Аннотация: в статье рассматриваются вопросы, связанные с духовной жизнью населения Воронежской епархии второй половины XIX – начала XX в. На основе целого ряда исторических источников анализируется религиозное состояние местного крестьянского населения.

Ключевые слова: православие, церковь, пореформенная Россия, Воронежская епархия, духовенство, крестьянство.

Abstract: in this article the author studies the issues related to spiritual life of Voronezh region's population in the late 19th and early 20th century. Religiousness of the local peasantry is analyzed on a number of historical sources.

Key words: orthodoxy, church, postreform Russia, Voronezh diocese, clergy, peasantry.

Важным и вместе с тем сложным представляется вопрос религиозной и духовно-нравственной характеристики населения Воронежской губернии второй половины XIX – начала XX в. Рассматриваемый период – это значительный временной отрезок, в котором наблюдается изменение общественных настроений по отношению к церкви и традиционным для России ценностям. Непросто говорить о религиозности человека, так как убеждения и переживания порой бывают скрыты в глубине души, а внешнее поведение не всегда отражает все то, что переживает и о чем думает та или иная личность. Однако для того, чтобы понять, в каких условиях приходилось нести свое послушание приходским священнослужителям, необходимо хотя бы в самых общих чертах попытаться воссоздать внутренний мир их паствы. Имеющиеся материалы могут отчасти прояснить общую духовно-нравственную атмосферу, определявшую жизнь православного населения Воронежского края в указанное время.

Дошедшие до нас источники (преимущественно церковного происхождения) свидетельствуют о возрасставшей религиозной индифферентности и нравственном оскудении части православной паствы. Правда, в епархиальных отчетах середины и конца XIX в. можно встретить вполне положительные характеристики духовного состояния населения. В 1898 г. воронежский архиерей Анастасий (Добрадин) писал в Синод, что «население епархии в общем составляет народ верующий, набожный и старающийся о провозждении христианской благочестивой

жизни. Паства во всех особенных случаях семейной, общественной и частной жизни прибегает к Богу... на постигающие несчастья смотрит как на наказание Божие за прегрешения и как призыв к покаянию» [1, л. 38].

Однако уже в 1906 г. тот же архиерей писал в Синод, что под влиянием известных политических обстоятельств от прежнего благочестия в народе не осталось и следа. Архипастырь с нескрываемым удивлением отмечал наступавшую духовную деградацию населения вверенной ему епархии. «За последние два года в нашем простом народе наблюдается упадок религиозности и какое-то нравственное брожение, особенно среди подрастающей молодежи, где более всего обнаруживается расшатанность нравственных устоев. А последний год показал нам столько дикостей, столько дикого необузданного произвола, что говорить что-нибудь о нравственном воспитании народа, о проведении в жизнь каких-либо христианских истин весьма затруднительно... Из года в год все более и более усиливается безразличное отношение иных пасомых к установленным церковным постам, все более и более ослабевают брачные узы и развиваются легкие отношения полов» [2, л. 16].

Официальные издания середины XIX в. подчеркивали верность рядового и знатного населения православным монархическим убеждениям и ценностям. 4 апреля 1866 г., как известно, на императора Александра II произошло покушение, неудачным исполнителем которого был член революционного подполья Дмитрий Каракозов. Согласно одной из

версий, жизнь государя была спасена благодаря действиям оказавшегося рядом крестьянина Осипа Комиссарова. Для народонаселения империи произошедшее обернулось шоком. По случаю избавления от смерти императора во всех губерниях служились благодарственные молебны. В г. Воронеже по этому случаю были устроены специальные торжества, проходившие в апреле 1866 г. Очевидец торжеств описывал, насколько велик был в связи с этим общий патриотический подъем воронежцев. На площади города установили шатер, вокруг которого собрались тысячи воронежцев. Архиепископ Серафим (Аретинский) возглавил служение молебна, в конце которого произнес речь по случаю спасения императора от руки убийцы. После богослужения архиерей поклонился портрету царя и поцеловал его. Воронежцы, увидев изображение императора, «пришли в полный экстаз» [3, с. 40]. В момент, когда портрет государя вынесли на обозрение к народу, все находившиеся на площади сняли с себя головные уборы. Один из присутствовавших при этом забыл снять шапку, но она была схвачена толпой и разорвана на куски [там же, с. 41].

Простое крестьянское население чтит государя, испытывало трепет перед властью и старалось жить церковной жизнью. Имя императора – помазанника Божия было священным для большинства населения. Священник Тихон Донецкий вспоминал, какое сильное впечатление на народ произвела трагическая кончина императора Александра II 1 марта 1881 г. Отец Тихон в то время учился в Павловском духовном училище. На всю жизнь ему запомнилось, как во время панихиды от переживания трагизма убийства государя упал в обморок генерал Бальман, «о котором знали, что он единственный в городе» [4, с. 737].

Но с течением времени, в том числе под влиянием либеральных настроений, вызванных освободительными реформами 60–70-х гг. XIX в., традиционные для русского человека ценности, сформированные православным мировоззрением, начинали угасать. Воронежские священнослужители отмечали все большее обмирщение не только образованного общества, но и части простого крестьянского населения. В отчетах воронежских преосвященных можно проследить, насколько серьезно духовенство было обеспокоено данной ситуацией. Особенно заметно неуважение и непочтение к церкви стали проявляться после аграрных беспорядков первой русской революции 1905–1907 гг. Крестьяне все чаще покушались на церковные земельные участки, устраивали потравы посевов, незаконно отбирали причтовые наделы. Воронежский архиерей Анастасий писал по этому поводу в Синод: «Прихожане, даже любящие и уважающие свой причт, без зазрения совести делают у него потравы посевов, воруют снопы и проч. и проч., чего никогда не бывало в доброе старое время» [5, л. 19].

В 1906 г. в Воронежской епархии крестьянами было ограблено более 100 церквей, т.е. почти каждая восьмая приходская церковь [2, л. 9 об.]. Святыня, перед которой раньше благоговело сердце верующего русского человека, уже перестает быть предметом почитания. Воронежское священноначалие в том же 1906 г. было вынуждено обратиться к губернатору с просьбой издать распоряжение об учреждении в Воронежской губернии особых ночных караулов с целью защитить имущество церквей и монастырей епархии [там же]. Духовенство с тревогой констатировало, что предметами краж начинали становиться не только денежные средства из церковных кружков, но и даже богослужебные сосуды, предметы религиозного поклонения. При этом заметным был и новый необычный характер преступлений против церкви. «Отличительную особенность хулиганства составляет кажущаяся бесцельность вреда и отсутствие прямой выгоды как побудительного повода» [5, л. 21].

В пореформенной России существовало мнение, которое можно услышать и сегодня, о том, что русский крестьянин по своей природе являлся боголюбцем, глубоко почитавшим церковь, жившим подлинной религиозной жизнью. В представлении многих крестьянство выступало своеобразным антиподом интеллигенции – носителя враждебного православию либерального духа. Очевидно, что искренне верующих людей среди крестьян в России было немало. Но в глубине народного сердца замечались и другие, менее светлые черты. Симптоматичной в этом отношении выглядела статья известного дореволюционного священника протоиерея Михаила Левитова «Народ и духовенство», увидевшая свет в 1907 г. Автор отмечал, что часто слышал такие высказывания, как «русский народ богоносец», «религиозность – отличительная черта русского народа», «наш крестьянин беззаветно предан матери Православной Церкви». Однако протоиерей констатировал, что на деле ему как приходскому священнику часто приходилось сталкиваться с совершенно противоположными чертами русского крестьянства. «Мне кажется, во имя блага Церкви следовало бы, наконец, признаться, что простонародье, крестьянство в особенности, враждебнее относится к духовенству, чем интеллигенция» [6, с. 7].

Духовный индифферентизм проявлялся не только в явных агрессивных формах, но и в повседневной жизни простого крестьянства. Приходской священник Николай Кузьмин опубликовал в 1912 г. статью в «Воронежских епархиальных ведомостях», в которой делился с читателями своим возмущением по поводу того, как в некоторых селах Воронежской губернии крестьяне относятся к кладбищам. Несмотря на то, что населению этих сел неоднократно делались предупреждения и со стороны светских властей, и со

стороны духовных, крестьяне довели кладбища до запустения. «Место вечного покоя представляет из себя “мерзость запустения”, по пастбищам пасется скот, ломая незатейливые кресты, и так то сколоченные на живую нитку и даже роются свиньи, раскапывающая могильные холмики» [7, с. 1049].

Автор совершенно справедливо писал, что в данном случае не следовало бы оправдывать крестьян тем, что они работали на поле, все силы трагично тратили на то, чтобы прокормить себя, и поэтому у них совершенно не оставалось времени на уход за кладбищами, да и вообще на исполнение своих религиозных обязанностей. По мысли иерея Николая Кузьмина, если бы селяне действительно испытывали чувство благоговения перед памятью умерших и священной для православного христианина обязанностью молитвенно почитать усопших родственников, то подобной картины ему бы не пришлось наблюдать. «Если бы установился у нашего мужика правильный взгляд, что грешно и стыдно negliжировать в таком деле... что это место священное, то нашлось бы и время и руки, когда бы заняться этим воистину святым делом» [там же, с. 1052].

Воронежские благочинные также отмечали в своих отчетах заметные признаки отсутствия полноценной религиозной жизни среди народонаселения Воронежской губернии. Высказывались мнения о том, что «прихода как религиозного братства в настоящее время нет: в церковь собирается для общественной молитвы публика, а не прихожане» [8, с. 135]. Поэтому, с точки зрения некоторых священнослужителей, необходимо было реформировать весь строй приходской жизни с целью создания приходского братства, живущего подлинной религиозной жизнью. Такое мнение разделяли практически все благочинные Воронежской епархии во главе с архиепископом Анастасием (Добрадиным). Однако последний считал, что приходы как таковые все-таки существовали и действовали, но «приходская жизнь обнаруживается весьма слабо, в исключительных случаях» [там же, с. 136]. Удивительным представляется то, что приходское духовенство Воронежской епархии рассматривало в качестве основного средства изменения сложившегося порядка вещей. По мнению большинства причтов, первым делом необходимо было придать приходам права юридического лица [там же, с. 135]. Эта мера позволила бы возродить подлинно религиозную жизнь в православных общинах. Сегодня по прошествии всех тех трагических событий, с которыми Российской православной церкви пришлось столкнуться в первой половине XX в., утверждение о том, что юридический статус приходов мог бы изменить характер духовной жизни общин, является, по меньшей мере, спорным.

Приходской священник Воронежской епархии Иаков Тимофеев писал о нередко наблюдавшейся в городах губернии картине, когда накануне воскресного или праздничного богослужения во время благовеста перед началом всенощного бдения в храмах практически никого не было. Многие воронежцы храмовому богослужению предпочитали посещение кинематографа. «Звонят ко всенощной, к молитве благой, и звон благовестника вопит точно в пустыне. К молитве... идут немногие. Большинство тянется в кинематографы...» [9, с. 1124]. По мнению о. Тимофеева, отток и ослабление интереса городского населения к церковному богослужению можно было преодолеть законодательным путем. Государственной думе, по словам автора, необходимо было принять закон, запрещающий сеансы кинематографа в канун праздничных и воскресных служб. Священнослужитель, как и многие другие клирики епархии, был убежден, что «только повсюдным и одновременным в законодательном порядке проведением такого запрещения можно ослабить или совсем прекратить идущее по всему фронту опустошение храмов Божиих» [там же, с. 1125]. Согласно убеждениям подавляющего большинства воронежского духовенства, с усилившимся особенно в начале XX в. равнодушием к церкви можно было справиться административными мерами путем принятия того или иного закона.

Не следует, однако, полагать, что крестьянство было поголовно заражено духом ненависти к духовенству и православию. Естественно, этого не наблюдалось. Можно говорить о некоторых негативных тенденциях, сказывавшихся на общем духовном климате в государстве. Безусловно, в душе русского человека были живы любовь и почитание к святыне. Среди приходского духовенства Воронежской епархии проходили дискуссии по поводу того, осталась ли жива вера в простом народе (который всегда выступал в качестве опоры и хранителя православия в России) или же под влиянием либеральных преобразований, революционного движения 1905–1907 гг. от прежнего благочестия не осталось и следа. С утверждением о все еще значительной любви русского крестьянина к церкви и духовенству выступал известный воронежский священник Георгий Лебедев. В 1909 г. он опубликовал в «Воронежских епархиальных ведомостях» статью с описанием торжеств, посвященных пребыванию чудотворной Дивногорской-Сицилийской иконы Божьей Матери в с. Красном Нижнедевицкого уезда. Почтить чудотворную икону пришло огромное количество народа, что, с точки зрения священнослужителя, свидетельствовало о глубокой вере в среде простого народа.

Неправильными представлялись автору и высказывания многих его современников о непросвещенности и религиозном невежестве крестьянского на-

селения. Некоторые простолюдины знали тексты Евангелия и других книг Священного Писания наизусть. «Евангелие дает им неисчерпаемый источник для сознательного усвоения, под руководством своих пастырей истин веры, а знания житий святых угодников – наглядное подтверждение евангельских истин» [10, с. 145]. Клирик утверждал, что часто замечаемые скептиками негативные примеры в духовной жизни крестьянства следовало приписывать злонамеренной деятельности агитаторов левых социалистических партий, с неистовством набросившихся на неискушенные ум и сердце простого русского человека. Но когда агитаторы, пытаясь убедить неграмотных мужиков в несправедливости политического строя, бессмысленности сложившихся традиций и ценностей, касались вопросов православной веры, всегда получали отпор. «Всякий агитатор, социал-революционер, демократ и проч., когда касаясь религии, разглагольствовал о том, что попам нужно уменьшить плату за требы или даже возможно и совсем не платить... получал такой решительный отпор... что впоследствии не смел и заикнуться о данном вопросе» [там же, с. 147].

Подобная точка зрения как бы успокаивала приходских священнослужителей, давала надежду на то, что произошедшие в 1905–1907 гг. беспорядки были явлением неосознанным, временным, что возродить былой авторитет духовенства еще можно. Это мотивировало многих пастырей к продолжению ревностного служения. Отчасти подобную точку зрения разделял и воронежский архиепископ Анастасий (Добрадин), утверждавший, что за аграрными беспорядками и волнениями не стояло определенной сознательной деятельности крестьянства. В 1907 г. архипастырь писал в Синод: «Несомненно, что аграрные беспорядки и разгромы помещичьих владений в некоторых местах не были делом какой-либо систематической подготовки или планомерных действий со стороны самих крестьян, а разразились совершенно неожиданно. Это было какое-то стихийное движение, разыгравшееся на почве какого-то бессознательного увлечения и всеобщей растерянности, но не без влияния со стороны революционеров» [2, л. 11 об.].

В качестве одной из основных причин происшедшего духовного охлаждения населения духовенство выделяло новые реалии политической и социальной жизни Российской империи начала XX в. Архиепископ Анастасий утверждал, что «прокатившаяся по России революционная волна совершенно сбила с толку народ возвещенными свободами» [5, л. 21 об.].

Конечно, на отношение рядового крестьянского населения к приходскому духовенству влияли и другие объективные причины, одной из которых был

характер получения средств с основного источника доходов – требоисполнения. Сам факт финансовой зависимости священно-церковнослужителей от собственных прихожан отрицательно сказывался на духовном состоянии пастыря. Священник был вынужден сочетать в себе две совершенно противоположные роли: с одной стороны, духовного пастыря, призывавшего население к нищелюбию и независимости от материальных благ, а с другой – человека, требовавшего платы за оказанные услуги и потраченное на совершение требы время. Нельзя не согласиться со словами владыки Анастасия (Добрадина), писавшего в Синод, что «поистине нужно быть сверхчеловеком, чтобы достойно совмещать проповедование высоких истин с неприличными просьбами и напоминанием о долгах. Поэтому-то многие юноши даровитые и преданные церкви не решаются посвятить свои силы пастырскому служению и уходят на страну далече» [там же, л. 19].

С подобными проблемами сталкивались не только причты Воронежской, но и других епархий Российской православной церкви. Известный в начале XX в. церковный публицист священник Михаил Левитов писал по этому поводу, что простонародье нередко обвиняло приходское духовенство в корысти, совершенно не разбираясь в реальном (далеко незавидном – *С. И.*) финансовом положении православных клириков. Протоиерей Михаил уверял, что если крестьянину задали бы вопрос, почему он не расположен к духовенству, то ответ был бы однозначным: «Да дюже они хапают» [6, с. 6].

Как справедливо замечал автор, любая попытка священнослужителей взять с крестьянина за совершенную требу хотя бы на пятак больше могла обернуться совершенно неадекватной реакцией. «Каждый клок во владении причта крестьянам представляется громадным поместьем; скромный домишко – дворцом; рубль – сотней; блин, яйцо, клок холстины, краюха хлеба, полученная с них, – несметными сокровищами» [там же, с. 9]. По свидетельству священника, тема жадности духовенства была одной из любимых среди крестьян. Ему самому нередко приходилось слышать, как работавшие на барском поле мужики во время колокольного звона к вечерне говорили друг другу: «Слышь, слышь, ребята! Отец Иван деньгу то кует! Ишь выковывает, ишь выковывает» [там же, с. 10].

Таким образом, имеющиеся источники позволяют утверждать, что во второй половине XIX – начале XX в. в Воронежской епархии наблюдалась тенденция постепенного упадка религиозной жизни части крестьянского населения. Революционная волна начала XX в. явилась мощным стимулом к распространению антицерковных настроений. Никакой симфонии между властью и церковью в России уже давно

не наблюдалось. Тот факт, что Российская православная церковь на протяжении Синодального периода своей истории находилась в полной зависимости от государства, не мог не давать о себе знать. Забитое бесправное приходское духовенство было не в силах сдерживать упадок авторитета веры, который, в свою очередь, являлся прямым следствием конфессиональной политики самодержавия. Несмотря на активные попытки местного духовенства преодолеть сложившуюся ситуацию, новые негативные явления в духовной жизни православных приходов все чаще заявляли о себе.

ЛИТЕРАТУРА

1. РГИА. – Ф. 796. – Оп. 442. – Д. 1714.
2. РГИА. – Ф. 796. – Оп. 442. – Д. 2139.
3. *Малыхин П. В.* Описание происходивших в Воронеже молебствий и празднества по случаю сохранения жизни государя императора Александра Николаевича от руки убийцы : с портр. О. И. Комиссарова-Костром-

Воронежский государственный университет

Иконников С. А., аспирант кафедры истории России

E-mail: ikonnikovsergey@rambler.ru

Тел.: 8(908) 136-28-16

ского / *П. В. Малыхин.* – Воронеж : Тип. Гольдштейна, 1866. – 48 с.

4. *Донецкий Тихон, свящ.* Протоиерей Иоанн Иоаннович Беляев / Тихон Донецкий // Воронежские епархиальные ведомости. – 1906. – № 16. – С. 731–748.

5. РГИА. – Ф. 796. – Оп. 442. – Д. 2510.

6. *Левитов Михаил, свящ.* Народ и духовенство / Михаил Левитов. – Казань : Центр. тип., 1907. – 18 с.

7. *Кузьмин Николай, свящ.* Печальное явление / Николай Кузьмин // Воронежские епархиальные ведомости. – 1912. – № 38. – С. 1047–1053.

8. Отзывы епархиальных архиереев по вопросу о церковной реформе : в 2 ч. – СПб. : Синод. тип., 1906. – Ч. 1. – 548 с.

9. *Тимофеев Иаков, свящ.* К вопросу об электротейтрах / Иаков Тимофеев // Воронежские епархиальные ведомости. – 1912. – № 40. – С. 1120–1127.

10. *Лебедев Георгий, свящ.* Жива ли вера в народе? Пребывание Чудотворной Иконы Божией Матери в с. Красном, Нижнедев. у. / Георгий Лебедев // Воронежские епархиальные ведомости. – 1909. – № 3. – С. 143–148.

Voronezh State University

Ikonnikov S. A., Post-Graduate Student of the Russian History Department

E-mail: ikonnikovsergey@rambler.ru

Tel.: 8(908) 136-28-16